

О ЗДОРОВЬИ И ЛОЖНЫХ ТВОРЧЕСКИХ ИСКАНИЯХ

Правда Украины
6 июля

К гастролем Московского театра драмы имени В. Маяковского на Украину

Наша критика истерично театр имени В. Маяковского как домашнего и домашнего друга. Таинственный восторг Московского театра драмы, руководимого народным артистом СССР И. Н. Охлопковым, зарекомендовали себя творческими поисками, изысканиями художниками. Многие постановки театра радуют советскую общественность своим революционным пафосом, яркой образностью, свежестю и оригинальностью оценочного решения. Неизменным успехом пользуются спектакли героико-романтического плана, в которых глубоко раскрываются богатый духовный мир советских людей, утверждаются передовые идеалы, высокая мораль строителей социалистического общества. Одной из самых страстных и плодотворных работ театра в последние годы является «Молодая гвардия», в которой на первом в стране воспринимается на сцене неважно бывавшие образы великих советских земляков, юных красавиц-подпольщиков.

Театр зачастую первым идет в ногу с жизнью новым пьесам на современные темы. Подлинную смелость проявляет он и в выдвигании молодых актеров кадров. Не в каждом коллективе отваживаются играть такие ответственные роли мирового репертуара, как Катерина и Гамлет, актерам, лишь недавно дебютировавшим сцены учебных заведений. Искренне, некая не подвигает стремления театра новому прочтению испытанные шедевры мировой драматургии. Можно спорить об умистности и целесообразности тех или иных режиссерских и актерских решений в спектаклях «Гроза» и «Гамлет», но эти постановки являются замечательными явлениями в современном отечественном и мировой драматургии.

Естественно, мы считаем, что новая встреча с талантливым коллективом принесет нам и новые эстетические радости, обогатит нас новыми художественными впечатлениями. Но наши надежды, к сожалению, не оправдались. Заставляя изысканные постановки театра имени В. Маяковского по мнению зрителей его самых искренних друзей.

Театр ищет новых форм художественной выразительности. Однако, нам жаль, что в этих исканиях коллектив не всегда идет верной дорогой. Следует напомнить, что великий советский поэт, подлинный художник-поэт Владимир Маяковский, имя которого носит театр, всем своим опытом подтверждал, что новаторство бывает плодотворным только тогда, когда оно вымывается потребностями нового содержания, новых общественных идей и приближает искусство к народу.

Творческие же поиски театра имени Маяковского, как нам кажется, не всегда бывают оправданы, и мы боимся, что в театре начинают приобретать культ формы. Глубоко убеждены в том, что сделал театр зритель и в чем, пожалуй, признают все подлинно творческие специалисты и критики.

Вот москвичи показали нам «Аристократы» Н. Погодина. Это новое, оригинальное спектакль. Должно быть, старая постановка «Аристократы» отвечает нынешним вкусам театра, и это для него так важно, что он отказывается от нового прочтения пьесы, изменяя тем самым себе. Ведь было же у театра желание по-новому прочесть «Грозу» и «Гамлета». Так почему бы не попытаться сделать это и в отношении «Аристократов»? Очевидно, режиссеру дороги были те театральные «находки», которыми изобилует старая постановка пьесы, и, очевидно, они, эти «находки», ближе к тому, что ищет театр теперь. Правда, это вообще сомнительное konstatoe — возобновлять постановку более чем двадцатилетней давности. Не слишком ли буквально понимается шутка насчет того, что такое — это какой-то старый байблос отцов?

Думается, что даже если бы прежняя постановка «Аристократов» была более удовлетворительной, чем та, что нам показали сейчас, все равно стоило бы задуматься над ее новым прочтением. Пьеса Н. Погодина «Аристократы» относится к тем произведениям искусства, в которых мы считаем, что у них вечная судьба: на них работает время. Большая гуманистическая идея, положенная в основу этой пьесы, не только остается живой в наше время, но и постоянно обогащается новым человеческим опытом. Этот новый опыт, подтверждающий великое гуманистическое значение советского коллективизма, развитие личности на почве разнородности масс, — новое, истинно социалистическое явление, — выдвигает на первый план романтическое начало пьесы, которая вымывает вперед и возмещение перед силой великих социалистических идей, перед человечностью и красотой советского образа жизни.

Постановка, предложенная нам театром имени В. Маяковского, раскрывает идею пьесы, мы говорим, недостаточно глубоко и не преодолевает ее недостатки. Основные эпизоды решены в ней в натуралистическом духе, а логика человеческого судьбы, великая логика советской жизни, отнесены на второй план. «Романтика» живописных лохотней, лордского жаргона, «натурального» поведения профессиональных грабителей — все это занимает место, что стали подлинными спектаклями бек-

стания для спектакля, серьезно ослабляет его идейное звучание.

Этой, а не подлинной романтики, патетизма и те театральные эффекты, та подчеркнутая условность, на которых и пошла «новое» оставил свое внимание театр.

Искусство, как известно, не требует приналежности к образу за действительности. Оно широко пользуется условными формами, условным языком, который принят и укоренен общественным искусством. Но условные формы служат искусству для того, чтобы убеждать людей в истинности того, что им показывают в образе. Условность, поскольку она только средство и не больше этого, хороша, когда она замечена. В «Аристократах» же это — подчеркнутая, выходящая из глаза условность.

На сцене усматривают несколько десятков зрителей. Зачем? Не иначе, как для того, чтобы эти созданные вымыслы, будто бы действительные, приходились непосредственно к публике. Примеренный такой «вымысел» находит объяснение еще и в том, что это якобы дает больше свободы исполнителям. Чересчур что-то мудрено. Ведь актеру все-таки неудобно повертываться спиной к публике, хотя бы и в мимиксизме. Ему все время приходится держаться в профиль. Хорошо еще, когда мимическая сцена: тогда исполнители размещают так, чтобы хоть несколько человек держались лицом к тем, кто на сцене изобразил приятный вид.

Этот прием используется и в некоторых других постановках. И здесь он вызывает недоумение. Мы готовы согласиться, если нам скажут, что нами изданным требованием помыслив приема, к которому мы не привыкли. Да, не привыкли. Но если привыкли, если они верят, что так лучше, что это необходимо. А пока что мы в этом сомневаемся. Впечатление нарочитости, искусственности приема ослабляет творческий контакт актера со зрителем. Попытка выделиться от одной из условностей реалистического театра, разорвать барьер между сценой и залом привела к новой условности, к игре в условность.

Другой пример. На подмостках помещаются несколько действующих лиц. И им выдают листы в масках и сыплют конфетти. Это должно обозначать, что идет снег. Затем маски бегут и показывают зрителям лица. Действие, стало быть, происходит в лесу. Мы не хотим обижать работников театра, но не можем не сказать, что это пошла на поводу зритель.

В «Аристократах» нет диалогов. Но, право же, идея была бы обрести и без помощи масок, чтобы дать понять зрителю, где и когда происходит действие. Конечно, необходимо создавать на сцене конкретную площадку «натуральную обстановку», но последовательнее — из спектакля и спектакля — изменить сцены жизни признавать места и обстановку действия — усложнить игру актеров, затруднить восприятие изображаемых событий. Истина, театр вообще обязан идти вперед, но в этой мере в театре для нас смысле, и в ряде случаев, как, например, в случае со спектаклем «Вечное перо», — не оправданным. Была бы способность в фильмах и на театральном художника, а для театральная логика?

Третий пример. На сцену выносятся нечто похожее на палку. В ней, то бишь и штурвалом, становится картина. Рядом — маска, приподнятая ладонью рот и ладонная в вытянутой руке за штурвалом металлической стержень. Картина держит этот стержень раз — маска падает вниз, изображающий паролонный дух. Потом два, потом три гудка. Маска сделала свое дело, издает звук на плечи зрителя, то бишь штурвалом, и уходит в сцену. В зале ошарашены. Печально, если театр принимает это как одобрение этой логике.

Говорят, в спектакле не спешит. Не мы виноваты себе возвращая против некоторых приемов, применяемых театром, в надежде на то, что нечто в театре вскоре не связывается с ним свой художественный вкус. Мы возражаем против уличения подлинных эффектов и называем его ложным уличением потому, что оно, по нашему убеждению, мешает пьесе, изводит ее из положения зурляной разнородности веда, а условность подчеркнута здесь до такой степени, что тень ее падает и на содержание.

«Аристократы» — старая постановка. Мы допускаем, что в начале 30-х годов зрители иначе относились к тому, что сейчас вызывает у нас недоумение. Но работникам искусства нельзя не считаться с тем, что в нашем обществе развиваются и укрепляются реалистические художественные вкусы. А реализм это, между прочим, ясно выраженное чувство целесообразности. И многие приемы, которые когда-то казались новаторскими и сейчас доводятся театром, не выдержали испытания временем именно потому, что оказались нецелесообразными.

Мы не останавливались бы так подробно на возобновлении спектакля, если бы это не было связано с возобновлением и тех исканий, в результате которых более двадцать лет назад родился спектакль «Аристократы».

Неоправданные уличения театры не ограничивались только механической реставрацией давнейшей постановки «Аристократов». И в новых работах коллектива видны существенные художественные просчеты. Под видом «новинки» гальванизируются анахронизмы, что, как нам кажется, может серьезно помешать творческому росту театра. Многие постановки, показанные на нынешних гастролех — внутренне противоречивы. Бросается в глаза разрыв между реалистическими принципами актерской игры и нарочитой условностью оформления. Образы, незадаваемые актерами, часто живые, правдивые, естественные, убедительные, но обставлены, в которых они действуют, надуманными, искусственными, абстрактными, дилетанскими, лишены очарования. Можно понять стремление режиссуры театра выйти за рамки мимик, бескрылой бытовщины, но выделение спящего человека из реальных условий, превращение театрального зрелища в некую абстракцию, лишая спектакль идейного накала, эмоциональной выразительности.

Должно отметить, например, как действительно разрабатывается лирическая комедия А. Арбузова «Длинные дороги». Перед нами возникает реальная картина жизни, мы реализуем вместе с молодыми героями их судьбы, сочувствуем их переживаниям, тревогам, заботам, гордым их победами. И вдруг внезапная рука режиссуры переключает спектакль в ничем не оправданную, оглушающую игру, исполнители, только что действительно живые образы, неожиданно становится обслуживающим персоналом. Невольно думаешь, что в театре нарочито создается психологическая напряженность, собитый.

То, что в театре разные пьесы, — в том числе и произведения, поставленные о жизни наших современников, — решаются почти что в одном режиссерском ключе, особенно когда речь идет о планировке спектакля, характере мизансцен, оформления, — говорит об уморительности режиссерских замыслов, стандартизации театральных приемов. Странно видеть, когда углубленная психологическая драма Л. Дюбуа или проблемная пьеса Н. Погодина находят одинаково условное решение. Создается впечатление, что актеры раскрывают образы пьес по одним эстетическим принципам, а актеры постановки — по другим художественным началам. Так, к сожалению, выглядят многие нынешние работы театра.

«Гитлерина «Астория» А. Штейна — постановка нам воплотившая спящую сфинксом о доблести и мужестве германских защитников Ленинграда. Мы присутствовали скорее из патетического представления о душевных терзаниях реабилитированного летчика Колосовского. В постановке театра имени Маяковского углублены и без того замечательные недостатки пьесы. В некоторых спектаклях (например, «Клопы», «Тысяча», уличники комедийными и жанровыми сценами, в погоне за замечательностью обращаются к довольно некачественным, если не сказать сильнее, средствам.

Сколько в оправдание своего толкования с пьесами, театр настолько подтверждает, что он ставит свои ориентиры. Но ким бы ни были окончательные варианты драматургических произведений, — зритель имеет право на сцене на абстрактные представления, а правдивые, типические картины жизни.

Все это говорит о том, что нынешняя творческая практика большого и популярного театра, каким является театр имени В. Маяковского, далеко не во всем отвечает высоким требованиям нашего передового зрителя. Художественные поиски режиссуры, как видно, не всегда достигают желаемого глубины, ясно, доходящее раскрыть идейный смысл пьесы, а скорее стремление во что бы то ни стало поставить спектакль как можно необычайней, оригинальней. Но когда это становится самоцелью, то летают потопы выдуманных оригинальности, теряется в абстракцию и сентиментальность, что и случилось в ряде постановок театра имени В. Маяковского.

В связи с этим следует сказать несколько горьких слов и о нашей еще мало требовательной критике. Параллель эстетическая несостоятельность рецензентов. Вчера еще они расхваливали умный, натуралистический спектакль, а сегодня безудержно восторгались формалистическими выкрутасами.

Наша неудовлетворенность нынешними гастролем театры имени В. Маяковского отнюдь не означает, что мы разрываемся в это творческие силы. Нет! Мы в апреле будем дружно встречать театр имени Маяковского в нашем городе, что коллектив воспримет эти критические замечания как проявление тревоги его искренних почитателей за дальнейшую судьбу театра, что не более разумно относится к своему творчеству.

И. КИСЕЛЕВ,
Н. ШМОТА.

ОТ РЕДАКЦИИ. Это вторая статья в нашей теме о гастролех театры имени В. Маяковского на Украину. Считаю необходимым подчеркнуть ясность и определенность данных в этой статье критических замечаний в адрес театра, с которыми редакция полностью солидарна.